

Ольга де Бенуа

Время дождя

Ольга де Бенуа

Время дождя. Парижские истории

«Издательские решения»

де Бенуа О.

Время дождя. Парижские истории / О. де Бенуа — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856357-7

Чудаки и зануды, боги, коты и простые смертные — все мечтают о счастье, но не все понимают, что это такое. Ветреная Полина знакомится с Яном, встреча с которым перевернет ее жизнь. Вот только она не знает, чего хочет, и за эту нерешительность ей придется заплатить высокую цену. Тесей ищет свою Ариадну, а Дожливый человек грезит о звездной дороге. Мечтательный фараон с надеждой всматривается в сияющую темноту ночи. Луиза идет по городу за волшебной птицей. Рассказы о Париже, мечтателях и дожде.

ISBN 978-5-44-856357-7

© де Бенуа О.
© Издательские решения

Содержание

ПОЛИНА И ЕЕ ДУХИ	6
Мечтательный фараон и дверь в ночи	6
Каморка на чердаке	8
Как не быть такой, как Кафка	10
Карта Парижа	12
Единство времени и места встречи	15
Мишель и демон	16
Колокола и июньский зной	18
Что общего у виноторговца и угольщика	20
Бекташ и его женщины	23
Праздник музыки и латинский водоворот	25
Сбежавшие из Стамбула	27
Пасха, гости и светящееся окно	28
Зеркало, смысл жизни и шаткость бытия	32
Родиться с гитарой в руках	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Время дождя Парижские истории

Ольга де Бенуа

*Посвящаю моей бабушке Анне.
За ее веру, любовь и преданность, которые согревают меня все эти
годы.*

*Редактор Людмила Шилина
Иллюстратор Антон Мордасов
Дизайнер обложки Нур Эзедин*

© Ольга де Бенуа, 2017
© Антон Мордасов, иллюстрации, 2017
© Нур Эзедин, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-6357-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОЛИНА И ЕЕ ДУХИ

Моей дорогой М.Г.

Мечтательный фараон и дверь в ночи

Тем памятным летом все свои пятничные вечера я проводила с бокалом кира¹ и книгой по французской истории. Приходила после работы к Полине, садилась за столик у окна и ждала, когда она закончит свою смену. Потом мы вместе возвращались домой.

Это был даже не бар, а ресторан итальянской кухни неподалеку от Оперы и Лафайет. Владельцем заведения был усатый турок Бекташ, который по-итальянски не говорил ни слова. Впрочем, и французский у него был плох. Вид у Бекташа был довольно странный: костлявые плечи и узкие бедра, как будто в детстве его спеленали и поместили на несколько лет в египетский саркофаг, вытянутая голова, длинный тонкий нос и мечтательные, близко посаженные глаза. Когда он стоял в дверях ресторана в своей неизменно белой рубашке и задумчиво вглядывался в сияющую дождливую темноту с тонкой полуулыбкой на губах, он казался почти поэтом. Впрочем, возвышенного в нем было мало: на самом деле он высматривал посетителей и оживлялся при виде каждого туриста, переступающего порог ресторанчика. Когда по вечерам Бекташ тщательно пересчитывал выручку в кассе, я видела у него на лице то же самое мечтательное выражение.

Ресторанчик назывался «Иль Густо». Кормили там неплохо. Подавали двадцать видов пиццы, а также салаты, овощные супы, жареную рыбу и стейки по-милански. Были аперитивы, вина и крепкие напитки. Когда ломалась кофейная машина, а ломалась она часто, кофе был отвратительным.

Обстановка мало чем отличалась от обычных парижских бистро. На улице стояли столики с плетеными стульями. На стенах внутри висели аляповатые картины с нормандскими пейзажами. Полстены занимал огромный экран телевизора. Во время чемпионата мира по футболу здесь собирались английские или шотландские туристы. Они орали, колотили посуду и, захваченные азартом и эмоциями, выпивали все, что было в баре. Официантки сбивались с ног, Бекташ складывал руки на груди – ни дать ни взять благочестивый проповедник, которому удалось наконец-то направить заблудших детей в лоно правильной жизни. Глаза его сияли. Во время выборов публика менялась – у экрана собирались французские избиратели. Телевизор врубали на всю мощь. Посетители ели *антре*, потом *основное блюдо*, запивая все это *кьянти*, заказывали профитроли или мороженое, пили кофе, морщились от его вкуса, ругались с Бекташем и все это время громко спорили по поводу дебатов.

Мне нравилось бывать там. Нравилась сумрачная скучающая тишина в начале вечера, в которую хотелось погрузиться, как в сон, и шумная, как будто приклеенная к душному воздуху зала дымная завеса после семи. Кружащие голову запахи итальянской кухни, птичий говор официанток, долетающие из подсобных помещений смех и ругань индийских поваров. Разношерстные посетители, сентиментальные сериалы или яростные политические дебаты по телевидению...

---

¹ *Кир* – коктейль-аперитив, смесь белого сухого вина и черносмородинового ликера Crème de cassis. Может также включать в себя шампанское, водку, красное вино вместо белого вина и другие ликеры – черничный, вишневый, малиновый или персиковый. Был изобретен в Бургундии в первой половине XX века. (Здесь и далее примечания автора)

И над всем этим царил Бекташ, который взмахивал руками, как безумный дирижер, пытающийся раз и навсегда подчинить себе нервную стихию своего ресторана. Но его никто не слушал, и несмотря на все его усилия навести порядок, вернее, вопреки им, ресторан жил своей жизнью и приносил своему владельцу неплохой доход.

Я всегда сидела за одним и тем же столиком с красной скатертью и белыми бумажными салфетками в стаканчиках. Столик стоял у окна, и иногда я отрывалась от чтения и смотрела на прохожих. Людской поток, движущийся по улице подобно стремительному ручью, вызывал во мне чувство покоя, как будто мне удавалось в такие моменты вклиниться в свою эпоху и почувствовать себя наконец ее частью. Я выпивала два-три кира со смородиной, прочитывала страниц двадцать книги, с 1790 года до Наполеона, заказывала свою любимую пиццу с баклажанами и графин с водой. К вечеру я обычно была слегка пьяна и счастлива.

В ресторане работала моя близкая подруга Полина. Когда-то во время учебы здесь работала и я, но продержалась ровно месяц, потом не выдержала и ушла. С тех пор прошло много лет, но я по-прежнему иногда ужинала «у Бекташа».

Каморка на чердаке

Мы с Полиной учились на факультете коммерции и иностранных языков. Мы даже какое-то время жили на соседних улицах в пятом округе Парижа и часто проводили время вместе. Полина свободно говорила и по-французски, и по-английски, потому учеба давалась ей легко, но раздражала. Коммерция мою подругу совершенно не интересовала, и она постоянно пропускала занятия. Полина путешествовала по Европе, ходила в походы или же устраивалась на самые немыслимые работы, например, матросом на туристическом кораблике и даже переводчиком на занятиях по боксу. Ее жизнь представлялась всем увлекательным приключением. Попутно она занималась фотографией, скалолазанием, организацией выставок и без особого энтузиазма писала статьи в женские журналы. Любое дело она начинала порывисто, с любопытством, но вскоре охладевала к нему, в конце концов бросала новую работу и снова возвращалась в ресторан к Бекташу. В университет она вообще ходить перестала. Ей пришлось несколько раз пересдавать все экзамены, а на третьем курсе остаться на второй год.

Мне же учеба на чужом языке изначально давалась нелегко. В моем французском было много лакун, и их нужно было восполнить. Я мгновенно схватывала правила и логику языка, делала быстрый прогресс в грамматике, но память у меня была дырявая – лексика в ней задерживалась с трудом. Поэтому мне приходилось учиться как проклятой, мечтая о том дне, когда чужие языки глубоко прорастут в моей голове. На несколько лет мне даже пришлось полностью отказаться от русского языка. Я смотрела фильмы, читала книги и видела сны только на английском и французском. Постепенно мне удалось подтянуть хвосты, и уже через года два я писала и бегло говорила на обоих языках. Сама не заметила, как это получилось.

Пока Полина сбегала с занятий и искала себя, я окончила университет, прошла необходимые стажировки, сменила три или четыре работы в международных компаниях. Сказать по правде, меня дико раздражали все эти дурацкие офисные работы. Я мечтала только об одном – писать книги. Все остальное меня не волновало.

«Если бы ты действительно хотела стать писателем, то посвятила бы этому все свои вечера и ночи. Или ушла бы с работы, жила в маленькой каморке на чердаке, писала книги с утра до вечера и была бы счастлива. Может, даже рассталась бы со мной, ведь отношения занимают кучу времени. Все зависит от приоритетов. Посмотри на Кафку», – говорил мне Шарль, мой парень, когда мы лежали, устав от любви, на моей узкой кровати в крошечной квартире на улице Муфтар и я рассказывала ему, как бездарно трачу свою жизнь.

Он был, конечно, прав. Но смотреть на Кафку мне совершенно не хотелось – да, он был гением, но мне тогда представлялся диким неудачником. Писать по ночам и сидеть в офисе днем для меня казалось немыслимым. При этом я знала, что если перестану работать, то мне будет нечем платить за квартиру, и у меня будут проблемы с документами. Нет работы – нет разрешения на работу. Нет разрешения на работу – нет работы. Для иммигранта во Франции это замкнутый круг. Если я остановлюсь сейчас, думала я, мне придется вернуться на родину. А в России меня уже давно никто не ждал. Во Франции же меня ждало будущее. Вернее, я уже так много вложила в это самое иллюзорное светлое будущее, что останавливаться на полпути было глупо. И я выкладывалась изо всех сил, надеясь, что этот период собирания камней закончится, и из них можно будет построить что-то хорошее.

– Когда-нибудь, чтобы стать писателем, я пожертвую всем, что у меня есть, и если нужно, даже тобой, – говорила я Шарлю, улыбаясь, гладила его по голове и целовала в смеющийся рот.

– Согласен, но при одном условии: ты должна стать чертовски хорошим писателем, лучшим из лучших.

- Договорились. Но это может занять всю жизнь...
- Это займет столько времени, сколько нужно.
- Знаешь, ты тоже можешь и даже обязан, если нужно, пожертвовать мной ради своего признания. Если что, не стесняйся.

Вот так мы признались друг другу в любви. Мы понимали друг друга как никто другой.

Как не быть такой, как Кафка

Весной того года мы с Полиной искали смысл жизни, каждая на свой манер. Она работала официанткой по вечерам и подрабатывала фотографом по выходным, а я занималась переводами в маленькой консалтинговой компании, связанной с инвестициями в атомный сектор. Пока Полина фотографировала влюбленные китайские парочки на набережной Сены, я переводила с английского на французский тексты про ядерные реакторы и альтернативные источники энергии, утешая себя тем, что каждый день узнаю что-то новое и все это когда-нибудь пригодится мне в другом месте. Это была своеобразная игра в иллюзии. Называется «Обмани себя сам». Я играла в нее с детства, чтобы не повеситься от скуки на ближайшей люстре.

В стране проходили президентские выборы. Франсуа Олланд выступал по телевидению со своим знаменитым спичем «*Moi président de la République*»². Уже тогда было понятно, что ничего хорошего Франции он не принесет. Его одутловатое лицо, полное тело и короткие ноги делали его похожим на филина. «Если социалисты придут к власти, это будет началом конца», – говорили некоторые клиенты Бекташа. «Нам нужен новый Шарль де Голль, а не этот паяц», – твердили другие. Честно говоря, мне тогда было все равно, кто там будет у руля, потому что я была всецело занята пустотой в груди, которая разрасталась во мне, как огромная воронка, рискуя засосать меня с головой. Я спасалась ритуалами – простым повторением определенных действий, которые позволяют не загнуться от тоски.

В ресторане Бекташа работала румынка Рая, и у нее была просто конвульсивная страсть к чистоте. Она все время что-то натирала до блеска. По десять раз драила барную стойку. Мыла и перемывала посуду, потом снова начинала натирать стойку. Ей это помогало не думать о бездельнике-муже и проблемах с документами.

Несмотря на разницу в образовании и образе жизни, мы были с ней в чем-то похожи. Я тоже не могла ни минуты сидеть без дела. Чувствовала, что если остановлюсь, то просто взорвусь от внутреннего напряжения. И я наслаивала дела друг на друга. Если ехала в транспорте, то одновременно занималась своими переводами. Если гуляла в парке, то слушала аудиолекции по истории американского рок-н-ролла. У меня вообще не было свободного времени, как будто я боялась остаться наедине со своими мыслями. После работы я ехала на фитнес, потом пешком шла до ресторанчика и сидела там, изучая книгу по французской истории в ожидании, когда освободится моя подруга. Там и ужинала, не отрываясь от книги. Я называла это отдыхом. Хотя, по правде говоря, я отдыхала только в те редкие моменты, когда мы виделись с Шарлем.

Так я спасалась от вечности, которой задолжала 25 лет жизни, вечности, заглядывающей мне в глаза каждое воскресенье с вопросом: «Ну что, так и будешь дальше жить?» – «Продержись еще немного, потом еще немного, а там посмотрим», – я бодро улыбалась ей. Но воронка в моей груди все не уменьшалась, и сколько бы я ни пихала в нее информации и полезных действий, ничто не помогало заполнить себя изнутри.

Полина жаловалась на другое. Талантливая во многом, она не знала, чего же она хочет от жизни, зачем живет.

– Все, что я делаю, как будто делаю зря, – твердила она.

---

² «*Moi président de la République*» (букв. «я, президент Республики») – знаменитая синтагма, прозвучавшая 2 мая в речи Франсуа Олланда во время телевизионных дебатов в рамках президентских выборов 2012 года. Будущий французский президент использует *анафору* – стилистическую фигуру, состоящую в повторении сходных звуков, слова или группы слов в начале каждого параллельного ряда. В своей речи он, отвечая на вопрос, заданный журналистом Лоренсом Феррари, постоянно повторяет «я, президент Республики», умышленно упуская часть конструкции «*si je suis*» («если я буду»), что создает эффект *свершающего будущего*.

Я произносила речи, смысл которых всегда сводился к одному: «Главное – захотеть, и все получится». Пыталась настроить ее таким образом на боевой лад, но на самом деле успокаивала себя.

– Ты молода, умна, красива, энергична. У тебя вся жизнь впереди, чтобы найти себя. Ты отлично пишешь... У тебя дар к языкам... И твоя подработка фотографией однажды может стать профессией.

– Может быть, – вздыхала Полина. – В этом-то и проблема. Когда по идее можешь все, но не понимаешь, куда себя приложить. В каком направлении двигаться, и если найдешь это направление, то как не сворачивать в сторону.

– Все дороги куда-нибудь да приведут. Вот увидишь.

– Ты-то знаешь с самого детства, зачем ты живешь. Ты хочешь быть писателем. Все остальное для тебя неважно. Ну или почти неважно. А я плыву по течению.

– Мы все плывем по течению. Просто иногда мы выбираем не ту реку.

Воронка в моей груди все увеличивалась, так, что иногда становилось трудно дышать. И я по старой привычке запихивала в нее все, что ни попадет. «Ты добиваешься всего, что захочешь», – говорил мне Шарль. «Тебя ничто не остановит», – улыбалась Полина. Друзья считали меня удачливой, им казалось, что все само плывет мне в руки. Я не пыталась их переубедить. Я-то знала, что за любым достижением стоят месяцы и даже годы каторжного труда, а удача – это не способность получать то, что хотят все, а умение добиваться того, чего хочешь ты.

Окончив два университета с отличными оценками, я довольно быстро смогла найти хорошую работу. Я встречалась с мужчиной, который любил меня всей душой. Однако я чувствовала себя неудачницей. Худшей, чем Кафка. У него хотя бы были гениальные книги.

Карта Парижа

Бывают встречи, которые будто случаются навсегда. Они чаще всего происходят в обычный день или даже ночь. И только воспоминания потом приписывают знакомству мистические подробности, милые сердцу детали, особый смысл, ощущение чего-то судьбоносного, того, что не могло не произойти. В тот вечер, когда Полина познакомилась с Яном, ничто не предвещало, что случится что-то важное. Он просто вошел в дверь ресторана «Иль Густо» с картой Парижа в руках. Высокий, мускулистый, пышущий здоровьем молодой человек с обаятельной улыбкой. Было семь вечера. А может, без пятнадцати семь. Было жарко. Ресторан пустовал. Бекташ одиноко стоял в дверях, этакий фараон, выглядывающий из своей пирамиды. Он высматривал клиентов, злился, когда видел, что они утекают к конкурентам, заискивающе улыбался каждому прохожему, но тщетно: никто не хотел в такую жару есть пиццу и пасту. Должно быть, подобно чеховскому герою Бекташ твердил себе: «Убытки, кругом одни убытки». Каждый проходящий мимо него человек был убытком. Несбывшейся надеждой. Неудивительно, что при виде нового посетителя лицо Бекташа озарилось внутренним светом.

– Проходите, проходите! – воскликнул он на своем чудовищном французском, старательно изображая итальянский акцент. Его лицо даже приняло какое-то особое итальянское выражение. – Иль густо. Пицца итальяни. Холодная кола.

И добавил по-русски:

– Просим-просим. Бистро-бистро.

Полина, которая работала в тот вечер одна, вышла посетителю навстречу, вытирая руки о передник. И каким-то внутренним чутьем, которым, похоже, обладал и Бекташ, сразу поняла, что тот был русским. Хотя прическа и одежда говорили скорее о Германии. У парня был стильный ершик.

Посетитель, огушенный энтузиазмом и напором Бекташа, начал было пятиться к выходу, но увидев мягкую улыбку Полины, передумал и остался.

– Здравствуйте, – сказала она по-русски. – Как видите, все столики свободны, выбирайте любой, какой понравится.

– Здравствуйте. Здесь говорят по-русски! – обрадовался парень. – Круто.

– Где только в Париже не говорят по-русски, – рассмеялась Полина.

Молодой человек сел за столик возле барной стойки и улыбнулся ей ласково, как будто знал ее всегда. Бекташ предпочитал сажать посетителей у окна, чтобы с улицы казалось, что в ресторане полно народу. Но Полину раздражали все эти хитрости и уловки, и она всегда поступала по-своему. Бекташ потом обычно ругался, театрально размахивал руками, грозил уволить ее, но Полина была непреклонна.

У парня были светлые глаза, то ли зеленые, то ли серые, немного насмешливые, с чертовщинкой. Смотреться в них было приятно, как будто купаешься в солнечном свете. Полине он понравился, и поскольку других посетителей не было, пока он выбирал еду, они перекинулись несколькими словами.

– Вы давно живете в Париже?

– Уже четвертый год.

– Уже или всего? Я бы здесь жил. Чудесный город. Хожу по нему и налюбоваться не могу.

– А вы сюда в первый раз?

– Да, сам удивляюсь, что раньше не съездил. Вроде от Германии сюда рукой подать.

– Если сравнивать с российскими расстояниями, то да. А для европейцев далековато.

– Ну мы не европейцы.

– Смотря для кого... Для азиатов мы очень даже европейцы.

– Конечно, все познается в сравнении. Я вот смотрю в меню и ничего не понимаю... Может, что-нибудь посоветуете?

– У нас отличные пиццы и стейки по-милански. И салаты. А вот кофе не берите. Не понравится.

– Я же русский. Предпочитаю чай.

– Чай у нас есть.

Он заказал салат и пиццу. Когда он закончил есть и расплатился, Полина показала ему по его просьбе исторические места на карте, куда можно дойти от ресторана пешком. Он кивал и старательно записывал все себе в блокнот с чисто немецкой методичностью.

– Меня зовут Ян, – сказал он между прочим.

– Полина.

– Очень приятно. До встречи, Полина!

Они попрощались очень тепло, а на следующий вечер он снова пришел в ресторан. Бекташ был счастлив: должно быть, думал, что если удастся как следует приручить русского туриста, то он будет завтракать, обедать и ужинать в одном и том же месте, пока не спустит в ресторане все деньги.

Это был вечер пятницы. Я сидела у окна, читала книгу и пила очередной кир. В городе стояла оглушительная жара, от которой звенело в ушах. Парижане лениво болтались по пыльным раскаленным улицам, перебегая из одного бара в другой, в парках загорали полуголые юноши и девушки, по тротуарам неспешно прогуливались подтянутые мужчины в шортах с собаками, свесившими языки от мучившей их жажды, и худенькие девушки в наушниках и с самокатами. Припарковаться на улице было невозможно – все мыслимые и немыслимые места заняты автомобилями, мотоциклетами и велосипедами. Город, битком набитый туристами, задыхался от жары.

Народу в ресторане было немного, но больше, чем в предыдущий вечер. В основном постоянные посетители, живущие на той же улице. Полина сновала между кухней и залом, болтала то с одним, то с другим клиентом. Когда у нее выдалась свободная минутка, она осталась у столика Яна.

– Хотите десерт? Чай?

– Нет, спасибо. Все было очень вкусно. А что вы делаете сегодня вечером? – спросил Ян. – Может, погуляем вместе? Я в городе в первый раз, никого здесь не знаю.

Я оторвалась от своей книги и выразительно посмотрела на Полину: «Соглашайся, классный парень!» Но она смотрела только на Яна.

– Сегодня я заканчиваю поздно, – сказала она. – Так что, к сожалению, не получится.

Видно было, что парень огорчился.

– А завтра? Завтра выходной...

– Завтра не работаю... Хорошо, давайте завтра. Можем и погулять, и пофотографировать город.

– Вы фотограф?

– Я официантка, которая очень любит фотографировать.

Ян улыбнулся.

– А может, фотограф, который подрабатывает официанткой?

– Ваша версия, конечно, привлекательнее, – рассмеялась Полина.

Они договорились о встрече у фонтана Сен-Мишель.

– Просто выйдите на станции «Сен-Мишель» и ждите меня у фонтана. Вот здесь, – и Полина отметила это место на его карте Парижа.

– Хорошо, – кивнул Ян. – Во сколько вам будет удобно?

– Примерно в полдень.

– Значит, завтра в полдень у фонтана Сен-Мишель.

В то время Полина была совсем юной, воздушной. Короткие светлые волосы, голубые глаза, подвижное, неуловимое лицо, которое невозможно запечатлеть на камеру. Смотришь на него, и кажется, что вот-вот поймешь его красоту, а на фотографии проявляются только отдельные детали – нос, волосы, лоб, глаза, и все это кажется неверным, некрасивым. Как будто пытаешься поймать Полину, а ловишь только какую-то часть ее.

Может быть, поэтому, когда Ян расплатился и направился к выходу, он еще раз обернулся, бросив на нее короткий выразительный взгляд, как будто пытался навсегда запечатлеть ее в своей памяти.

Я вернулась к своей книге и потому не видела, как они попрощались. Когда мы возвращались вместе домой, Полина ни слова не сказала о Яне, да и я молчала тоже. О той субботней прогулке я узнала много лет спустя, когда уже ничего нельзя было изменить.

Единство времени и места встречи

Аристотель в своем трактате, посвященном теории драмы, писал о единстве времени, места и действия. Этот закон трех единств лег в основу классической трагедии, просуществовавшей несколько веков. Две тысячи лет спустя сербский писатель-постмодернист Милорад Павич создал любовный роман-загадку «Ящик для письменных принадлежностей», в котором заявил: «Приходи в пять тридцать. Куда угодно, только не опаздывай». И таким образом отменил аристотелевский закон.

Павич многократно писал о времени и пространстве, например, его знаменитое «В сердце не существует пространства, в душе не существует времени» – это целая поэма вечности и любви, заключенная в одной фразе. Или, если вам угодно, магическая формула.

Отмените время, и останется пространство. Отмените пространство – останется время. Отмените и время, и пространство, и вы получите вечность.

Влюбленные часто встречаются в тех самых магических местах, в которых время будто замыкается на самом себе и создает мерцающую точку на карте мироздания. Эти места могут оказаться где угодно. В аэропорту. На Восточном вокзале. У Пирамиды. Под сломанными часами. У застывшего на перекрестке миров собора Парижской Богоматери. У памятника носатому поэту, пережившему на века свою смерть. У фонтана Сен-Мишель, в котором добрый дух борется со злым духом. У входа в лавку древностей или ярмарку тщеславия. В саду у нагой Даяны, у ног которой свершались революции и падали головы. На кладбище, в котором бессмертие соседствует с тленом. На той самой зеленой скамейке, воспетой Жоржем Брассенсом. В трамвае, в котором застенчивый юноша впервые коснулся ее руки, подавая упавшую книгу.

Закройте глаза и представьте себе земной шар с миллиардами ежесекундно мерцающих точек. Каждая встреча – это потенциальное приглашение к любви. Каждое расставание – это вспышка, которая на мгновение ослепила вас и растаяла в небытии.

Те, кто еще не успел полюбить, но замер на пороге любви, интуитивно следует этим путем, надеясь, что волшебные места скрывают в себе двери в потерянный рай. Стольких влюбленных помнят фонтаны и вековые деревья в Люксембургском саду. Сколько фонтанов и вековых деревьев помните вы, когда лежите в мерцающей темноте, вглядываетесь внутрь себя и видите там сияющую реку, в которую кто-то будто просыпал лукошко звезд.

В Париже влюбленные любят встречаться у фонтана Сен-Мишель. Мы все встречаемся у фонтана Сен-Мишель. В полдень. В ту самую субботу или воскресенье. Эти встречи повторяются из раза в раз. Мы встречаемся снова и снова, меняя души и тела, обстоятельства, погоду, города и страны. Ежесекундно двое еще не успевших полюбить друг друга сердца встречаются друг с другом у мифического фонтана Сен-Мишель. Касаются друг друга. На дни, месяцы или годы. И расстаются. Расстаются навсегда.

Мишель и демон

У фонтана Сен-Мишель, как всегда, было столпотворение. Здесь выступали уличные музыканты и танцоры. Здесь встречались друзья и влюбленные. Именно здесь сидел Ян и ждал Полину. Он был у фонтана с половины одиннадцатого. Ровно в полдень звон колоколов собора Парижской Богоматери настиг его врасплох и словно выбил почву из-под ног.

Два худеньких парня в ярких футболках играли на гитарах Johnny be good. Парни как будто играли для себя, а не для других, погруженные в свою музыку, как в прохладный ручей, в который при желании могли зайти прохожие. И от того, что музыканты не заискивали с публикой, не искали ее любви, а просто с удовольствием занимались своим делом, вокруг них вскоре собралась огромная толпа. Ян и сам притопывал в такт мелодии. Ему нравилась незамысловатая песня Чака Берри про простого парня Джонни из Луизианы, который почти не знал грамоты, но умел играть на гитаре как бог. Песня была чудесной. Яну нравился и Чак Берри в исполнении веселых парней, и этот город, где музыка и смех звучали на каждом углу.

Полина не приходила. Ян ждал. Ему в лицо дышал июньский зной, а за спиной была прохлада воды, стекающей по ступеням вниз. У него над головой архангел Михаил – по-французски Мишель – снова и снова побеждал демона, и вода снова и снова стекала вниз по ступеням, разлетаясь брызгами во все стороны. И на этой прозрачной границе между вечностью, принадлежащей архангелу Михаилу и его неизменному врагу демону, и раскаленным городом, в котором мешалось сиюминутное, прошлое и будущее, и сидел Ян. Должно быть, он всматривался ясными глазами в прохожих, пытаясь увидеть Полину. Он не сомневался, что она придет, и хотя время проходило, а ее все не было, он каким-то образом чувствовал ее приближение, и оставался, как будто невидимая рука тихонько удерживала его на месте.

Бронзовый Михаил и демон были созданы по эскизу некоего Франсиска Дюре. Думал ли скульптор, создавая памятник борьбе добра со злом, что тот превратится в памятник любви?

Полина пришла на сорок минут позже. Она постоянно опаздывала. Время как будто выскальзывало из ее рук. Ян, конечно, не знал об этом. Когда она вышла из метро и подошла к фонтану, он уже собирался уходить.

– Привет. Прости за опоздание, – сказала она, запыхавшись. – В последний момент мне позвонили по работе, знаешь, заказ на фотосъемку, потом я не могла найти ключи от дома, а поскольку у меня нет твоего телефона...

– Я уж думал, что ты не придешь, – улыбнулся Ян.

– Хорошо, что не ушел. Ты уже был в соборе?

– Парижской Богоматери? Побродил вокруг, но внутри не был.

– Пойдем?

– Пойдем.

Ян закинул на плечи рюкзак. Он протянул руку, и Полина как-то естественно вложила свою – маленькую, но крепкую – ему в ладонь, как будто иначе и быть не могло, и так, держась за руки, они перешли дорогу и пошли вместе по набережной Сен-Мишель. На Полине было легкое летнее платье – в городе вот уже неделю стояла жара. На Яне – футболка с надписью «Looking for a right man?»³ на груди и «He might be just behind you»⁴ на спине. Под футболкой угадывалось тело, над которым много работали.

Полина сделала несколько снимков Яна на фоне зеленых ларьков с книгами. Тяжелые деревянные ларцы существовали здесь еще со времен Хемингуэя, и в них продавали книги,

---

³ «Ищешь подходящего мужчину?» (англ.)

⁴ «Он может быть позади тебя!» (англ.)

открытки, картины, всякий туристический и антикварный хлам, в котором можно было при желании отыскать настоящие сокровища. Черно-белые фотографии пышных женщин в стиле ну соседствовали с репродукциями картин Тамары де Лемпичка, Сезана и Ван Гога, открыточными видами дождливого Парижа, кадрами из старых фильмов, а также компасами, причудливыми африканскими статуэтками, курительными трубками, биноклями, замками в форме сердец и – куда же без них – миниатюрными моделями Эйфелевой башни. Ян полистал несколько старинных французских фолиантов.

– Их кто-то покупает? – поинтересовался он.

– В основном туристы и коллекционеры старых книг. Сейчас модно приобретать старые журналы, старинные книги, чужие семейные фотографии и украшать ими стены домов. Французы переезжают, продают дома, освобождают чердаки от вековых залежей, а скупщики старины собирают все это и распродают туристам и ценителям, – пояснила Полина.

– Удивительно, сколько здесь ненужных, но прекрасных вещей.

– Если тебя интересует старина, то тебе надо ехать на блошинный рынок в Сент-Уэн.

– У меня пока нет постоянного жилья, чтобы я мог позволить себе роскошь накапливать вещи. Мне больше нравится смотреть на старый хлам, чем уносить его с собой.

– Хороший подход к жизни. А где ты живешь?

– Снимаю квартиру в Мюнхене. Учусь там. А сам я из Питера. А ты?

– Я из Красноярска. Учусь в Сорбонне.

– А что ты там учишь?

– Всякую ерунду. Коммерцию, право, политику, экономику, языки... В основном учусь учиться.

– Это должно быть полезно.

– И чертовски скучно.

Полина продолжала фотографировать Яна. Она наводила на него свой объектив, Ян улыбался и спокойно ждал, когда она сделает очередной исторический снимок.

– Всегда мечтал о личном папарацци, – сказал Ян.

– Мечты сбываются. Я потом пришлю тебе снимки.

Колокола и июньский зной

В июне воздух на набережной Сен-Мишель становится искрящимся и звонким, как хрусталь. Летний зной укутывает оголенные плечи шалью, и прохожие бредут в этом звенящем мареве, и вы бредете вместе с ними, переполненные до краев мелодией лета. Когда звенят колокола собора Парижской Богоматери, вы на секунду замираете на месте, застигнутые врасплох этим звоном, как будто вас вдруг окатили ведром колодезной воды. Время становится ломким, как слюда, и крошится в гулкий сосуд, в котором прячется ваша душа. Пространство собирается в пружинистый клубок, в центре которого находитесь вы, и душа бьется об эту невидимую преграду, трепещет, как пойманная птица, и звон накатывает на вас снова и снова, и вас качает на невидимых качелях так, что становится трудно дышать.

И вдруг вас отпускает, пружина распрямляется, и вы летите по взятой взаймы вечности, заблудившись во времени и пространстве, и мысли и грезы кружат вас, как когда-то кружили на этом самом месте какого-то средневекового мечтателя под звуки тех же самых колоколов.

Звенят колокола, и по вашему телу будто пронесется хрустальный вихрь. Безумный музыкант, который прячется где-то глубоко в вашей душе, поднимает лохматую голову, прислушивается и с надеждой вглядывается в окно чердака, чувствуя – освобождение близко. Он смотрит своими шальными глазами – через ваши.

Обычно звон колоколов настигает вас в полдень. Вы идете по набережной Сен-Мишель, вглядываясь мечтательно в зеленые лотки с книгами, задевая прохожих. И вот перед глазами предстает растворяющийся в воздухе, прозрачный Нотр-Дам. В летний зной собор кажется пожелтевшим кружевом, вплетенным в вечность. И в эту вечность проваливаетесь и вы, окутанные звенящим зноем, застигнутые врасплох колокольным звоном, бестолковые и мягкие, как перчатка, которую мнут в смятении нежные руки.

И вы бредете дальше по своим делам, несете в себе ощущение праздника, как будто у вас в руках бокал белого вина, который вы боитесь расплескать. Вам чудится, что отныне все в вашей жизни будет правильно, так, как и должно быть, и что вы никогда не забудете это ощущение сопричастности к чему-то большему, чем вы сами.

Но это чудо свершится, если как в древнегреческой трагедии сойдутся в единстве время, пространство и душа.

***

Полина и Ян подошли к собору. Его узорчатый силуэт впечатывался в прозрачный желтоватый воздух, как старая открытка в потрепанном альбоме. Нотр-Дам казался таким невосомым, что было трудно поверить: для строительства этого изящного здания потребовались века и несколько поколений рабочих. Собор будто парил в воздухе. Вокруг него на площади сбились в кучу туристы, торговцы, голуби и фонари.

Наступил полдень, и над набережной Сен-Мишель пронесся оглушительный колокольный звон, сметая все на своем пути. Полина вдруг, будто подхваченная порывом, схватила Яна за руку и побежала, потянула его туда, под звон колоколов, прямо в серую гущу голубей, облепивших площадь. Ян, смеясь, следовал за ней. Голуби взлетали под их легкими шагами и взмывали вверх легкой темной тучей.

Ян и Полина зашли внутрь. После яркого солнца и одуряющей жары, их как будто укутало мягким влажным сумраком, многовековой прохладой и тишиной. Ни времени, ни пространства в храме не существовало, все как будто плыло в млечной туманности, через которую двигались люди, даже не люди, а духи этих людей. Держась за руки, Ян и Полина медленно продвигались вперед, следуя за сумрачной толпой, в плену призрачных звуков и мелодий, и когда они, так же следуя за течением, обошли храм и вышли наружу сквозь тяжелые узорчатые двери, мир за его пределами оказался таким реальным, как будто с их глаз сдернули легкое покрывало.

– Это один из самых прекрасных соборов, которые я когда-либо видел, – пробормотал потрясенный Ян. – С ним могут сравниться только соборы в Милане и в Барселоне.

– Да, они прекрасны, – согласилась Полина. – Но Нотр-Дам лучше всех.

Они пошли по улице вдоль сувенирных лавок и кафе.

– Я знаю один классный бар здесь неподалеку, – сказала Полина. – Вернее, не бар, а брасерию. Там можно выпить кофе или что-нибудь покрепче. Можно даже перекусить.

– Почему бы и нет, – сказал Ян.

– Мы туда часто ходим с друзьями.

И она отвела его в свое любимое место неподалеку от Нотр-Дам.

Что общего у виноторговца и угольщика

Любимая брассерия Полины называлась «О Бунья». Впрочем, как и многие парижские бистро и кафе. Буквально это означает «У торговца». Когда-то словом *bougnat* (по-другому *auvergnat*) нарекли иммигрантов из Оверни. Еще в XIV веке они начали покидать родные земли из-за многочисленных сельскохозяйственных кризисов, переезжали в столицу целыми семьями и, как водится, делали там тяжелую и малооплачиваемую работу, которой брезговали сами парижане. В XVII веке овернцы подрабатывали носильщиками воды для ваннных комнат, а когда в парижских домах появился водопровод, занялись мелкой коммерцией – торговали вразнос углем, дровами и спиртными напитками. Держались они сплоченно, работали тяжело и некоторым удалось даже разбогатеть. Во время Второй Империи овернцы начали открывать в Париже мелкие лавки, в том числе брассерии (нечто среднее между баром и рестораном), в которых продавали не только спиртные напитки, но и уголь, и дрова. К примеру, муж занимался доставкой топлива для клиентов, а его жена разливала вино и пиво. Именно в то время и появилось слово «бунья» – от *charbonnier* («угольщик») и *auvergnat* («житель Оверни»). Оно прижилось, и его стали использовать для обозначения всех парижских кафе, которые принадлежали овернцам. Многие кафе и бистро в Париже вплоть до XX века принадлежали «парням из Оверни».

Полина рассказывала Яну эту историю об овернцах, пока они ждали заказ. Когда Ян слушал (а он был из тех редких людей, кто слушает больше, чем говорит), он слегка склонял голову набок, будто пытался посмотреть на собеседника под другим углом. Именно так он смотрел на Полину. Она оживилась, лицо ее покраснелось, глаза сияли.

– Эти овернцы прямо как мы с тобой, – наконец сказал он. – Пытаются найти лучшее место под солнцем, пока не поймут, что солнце должно быть где-то внутри, а не снаружи.

– А у тебя солнце внутри или снаружи? – поинтересовалась Полина.

– Стараюсь, чтобы было внутри, но не всегда получается. Слишком многое зависит от внешних обстоятельств.

– Ох уж эти внешние обстоятельства... А чем ты занимаешься вообще?

– Изучаю экономику в бизнес-школе, – сказал Ян. – Подрабатываю частными уроками английского, а еще тренером в спортзале.

– Глядя на тебя, я бы скорее сказала, что ты – музыкант.

– Почему?

– Есть что-то такое в глазах. Как будто одна нота в правом глазу, а вторая – в левом.

– Быть музыкантом, конечно, интереснее, чем учиться в бизнес-школе, – рассмеялся

Ян. – Но я и вправду пишу музыку. В основном электро.

– Дашь послушать?

– Конечно.

– А почему решил переехать в Германию?

– Нравятся немцы, их четкость. В их жизни все настолько упорядоченно, подчиненно системе, что с ними не пропадешь. А ты почему во Франции?

– Нравятся французы. Их нечеткость, беспорядочность, отсутствие системы. С ними не заскучаешь.

Ян рассмеялся.

За последние несколько лет «О Бунья» сменил несколько хозяев, но дух места оставался тем же. Это была самая настоящая брассерия: ресторан с прилегающим к нему баром. Бар был небольшой – стойка и несколько круглых столиков с высокими табуретами. Здесь подавали недорогое пиво и вино, а также тарелки с сырами и колбасами. Поскольку заведение стояло

немного в стороне от основной улицы, чаще всего здесь бывали все-таки завсегдатаи, а не туристы, живущие на соседних улицах рабочие, безработные, студенты и просто бездельники. Здесь читали газеты, играли в карты, шахматы, шашки и лото – настольные игры стояли на отдельной полке над головой бармена, и он подавал потрепанные коробки каждому желающему, а если занять стратегическое место – столик справа от барной стойки – до игр можно было дотянуться рукой, не отрываясь от своего стакана. Любой мог также полистать старые карты с описанием вин и виноградников в Нормандии и Бургундии. В ресторане внизу была недурная кухня.

– Мне нравится бывать здесь, – сказала Полина. – Здесь та же атмосфера, что когда-то была в старых заведениях Парижа, до того, как Осман снес их все подчистую.

– Да, здесь хорошо, – согласился Ян. – А кто это – Осман?

– Барон Осман. Очень был упорядоченный человек, знал, чего хочет, прямо, как твои немцы.

– Интересно было бы взглянуть на Париж до Османа.

– Это был совсем другой город, – вздохнула Полина. – Город утраченных иллюзий. Мне бы хотелось в нем побывать.

Они поговорили о жизни. Пока Полина цедила свою пинту пива, заедая ее орешками, Ян пил вино и рассказывал о себе.

Он много занимался спортом – не только из-за работы. Ходил в тренажерку. Бегал. В свободное от работы и учебы время играл на гитаре, писал музыку. В Германии ему нравилось, но и свой родной Санкт-Петербург он тоже любил и не против был туда вернуться. Просто в Мюнхене, как он объяснил, лучше обучали тому, что его интересовало, да и хоть недолго пожить в другой стране – это такая школа жизни, которую стоило бы пройти каждому.

Полина словно светилась изнутри, и Ян как будто отражал это свечение. Летом все двери brassерии были открыты настежь, от чего создавалось ощущение, что они сидят практически на улице, в объятиях колокольного звона, который нежно, как волны морского прибоя, накачивался каждый час на раскаленную от духоты кожу. И они купались в этих звуках.

– Я приехала в Париж из Сибири, – рассказывала Полина. – До этого ездила в Америку по программе «Ворк энд трэвел», после окончания университета решила поехать во Францию. Как и многие из нас – просто за опытом. Хотелось свободно владеть французским, я его еще дома начала учить. Потом так и осталась здесь.

– Многие так и остаются.

– Честно говоря, не уверена, что Франция – это мое, но и уехать назад не хватает решительности. Вроде и здесь ничто не держит, и туда ничто не тянет. Поражаюсь людям, которые приезжают сюда и говорят: «Вау, вот я и нашел свое место на этой планете, я хочу здесь жить».

– Когда-нибудь разберешься.

– Придется... А ты чего хочешь от жизни? Есть у тебя какой-нибудь план на ближайшие десять лет?

– Как будто нет. Тоже не знаю особо, чего хочу. Потому поживем – увидим.

– Да уж. Увидим – и поживем. Хочешь есть?

– Я бы съел что-нибудь французское. Видел здесь японскую, итальянскую, китайскую и тайландскую кухню, а вот французской так и не попробовал.

– В соседнем зале есть хороший ресторан. Ты когда-нибудь ел мясо с кровью?

– Это не миф? Французы едят мясо с кровью?

– Бывает по-разному, – честно сказала Полина. – Иногда и сырое мясо, как например в стейке таргар.

– Фу...

– Не беспокойся, французская кухня – одна из лучших в мире. Там есть все. И прожаренное мясо тоже.

– Вот хочу в этом убедиться на собственном опыте.

– Пойдем!

После ресторана они отправились гулять по городу. Прошли пешком до Шатле, зашли в сад Тюильри, потом – вдоль набережной до Эйфелевой башни. Стемнело. Эйфелева башня светилась в синем бархатном небе всеми своими миллионами огней, как огромная рождественская елка. Ян смотрел на нее, затаив дыхание, а Полина смотрела на Яна. И улыбалась, сама о том не подозревая.

Они брели по ночному Парижу. Представить это легко – парень и девушка примерно одного возраста, которым ничего друг от друга не надо. Им просто хорошо вместе. А завтра они расстанутся и, вполне возможно, больше никогда не встретятся вновь.

У центра Помпиду собралась огромная толпа. Темнокожий музыкант играл американские хиты на гитаре, и его друг подыгрывал ему на барабане. Музыкант был талантливым и собрал вокруг себя огромную толпу народа. Кое-где танцевали парочки, остальные стояли, обнявшись, и слушали знакомые мелодии с сияющими лицами.

– Такое ощущение, что вы в Париже вообще не работаете, – заметил Ян. – Только сидите на террасах с бокалом вина, или же бродите по городу и слушаете уличную музыку.

– Есть такое, – сказала Полина. – Наслаждаться жизнью – это здесь что-то вроде национального спорта.

– И как он называется, этот спорт?

– *Savoir vivre*. Умение жить.

Полина и Ян говорили тогда всю ночь и никак не могли наговориться. Они расстались там же, где и встретились, – у фонтана Сен-Мишель. Полина села в последнее метро, Ян пошел пешком в свой отель.

На следующий день он уехал обратно в Мюнхен. Полина была занята сессией, которую она, как всегда, завалила, поэтому они общались нечасто. Иногда переписывались в социальных сетях, как будто продолжали тот разговор на Сене. Полина начала встречаться с Гилерми. У Яна тоже появилась девушка. Так незаметно прошел почти год.

Бекташ и его женщины

У Бекташа было три женщины: жена, дочь и любовница. И с этими тремя он совершенно не справлялся, зато они управлялись с ним только так. Бекташ в свои сорок с хвостиком неплохо сохранился и выглядел почти молодым: горящие мечтательные глаза, крепкое худощавое тело и взрывной темперамент делали его если не привлекательным, то по крайней мере, как некоторые называют, «интересным мужчиной». Тем удивительнее было обнаружить, что его жена – старая угрюмая женщина в платке. Впрочем, несмотря на почти отталкивающую внешность, она крепко держала его в своем жилистом кулаке. Чувствовалась, что без ее разрешения он и шагу лишнего сделать не осмелится. Или хотя бы не у нее на глазах, потому что за ее спиной он расслаблялся и наверстывал упущенное.

Когда она приходила в ресторан со своей вечно недовольной полноватой дочерью, он казался столь примерным мужем и отцом, столь старательно играл эту роль, просто из кожи лез, что все просто диву давались, наблюдая за этим театром одного актера. Он бегал вокруг жены, подавал ей стул, шаль, приносил дымящиеся тарелки с лучшими блюдами ресторана, в общем, будто был от нее без ума. Да и любой бы сошел с ума при виде ее усов, мрачного оценивающего взгляда и скорбно поджатых губ. Дочь была хоть и упитанной, но поразительно красивой, как бывают красивы турчанки, – с темными волосами, яркими чертами лица и пронзительными глазами, но ее портили леность, глупость и стервозность, граничащие с манией. Она все время скучала, от скуки ела за двоих и бросала на официанток красноречивые взгляды, в которых ясно читалась ненависть. Для нее каждая женщина была потенциальной соперницей – для нее и ее матери. Впрочем, она не особо заблуждалась на этот счет.

В те дни, когда жена сидела дома или уезжала к родственникам в Стамбул, Бекташ становился мечтательным, томился любовной тоской, и когда было мало клиентов, обуреваемый желанием, звонил по скайпу любовнице, довольно хищной полноватой блондинке на две головы выше его. Любовницу звали Катй. Вообще-то ее звали просто Катя, но ей нравилось, когда ее имя произносили на французский манер. Она была русской, хотя и жила в Румынии. Они познакомились в этом же самом ресторане, и Бекташ сразу же вспыхнул к ней бешеной страстью. Пару раз они переспали в соседнем отеле, потом она уехала к себе домой и с тех пор тянула с него деньги. История длилась уже месяцев шесть. Она не говорила по-французски, он не понимал по-русски, оба не владели английским, так что переводами их отношений приходилось заниматься Полине. Она даже в шутку называла себя «личным переводчиком турецкого барона».

– Вот и пригодились мне лингвистические навыки. Никогда не думала, уезжая в Париж, что буду работать сутенером, – невесело шутила она.

– Ты не сутенер, а обыкновенная сводня, – поправляла я. – Ты же не получаешь проценты с продаж.

– Тогда можно сказать, что я – «бренд амбассадор». Официальный представитель Бекташа за границей.

– Ну тогда уж посол доброй воли...

Я поневоле, как частый посетитель, была в курсе всей этой любовной истории. Когда в ресторане было мало народу, Бекташ тут же тщательно поправлял перед зеркалом воротник своей белой рубашки, ставил макбук на столик, звал Полину – *on appelle ma belle?*⁵ – и они вместе звонили Кате по скайпу. Чаще всего они не дозванивались, и он ходил по ресторану как в воду опущенный. Особенно в такие вечера доставалось повару Маню. Бекташ махал руками перед его носом, называл полнейшей бездарностью, выкидывал пригоревшие пиццы в мусор-

---

⁵ «Позвоним моей красавице?» (фр.)

ную корзину. Маню огрызался и грозился уволиться. Порой он даже снимал с себя колпак, бросал его демонстративно на барную стойку и уходил из ресторана, а Бекташ бежал за ним следом сначала с руганью, а потом уговаривая вернуться. Все повара у Бекташа были бешеные – попробуй поработать в закрытом помещении у раскаленной печи, готовя по двадцать блюд одновременно. В вечной жаре, как в аду, общаясь с внешним миром только через окошко в стене. Даже самый ангельский характер от такого испортится.

Когда Катя отвечала на звонок, Полина красочно расписывала ей чувства Бекташа, как он скучал, как он рыдал в объятиях Маню, как он жить без нее не может. Иногда даже зачитывала по бумажке стихи Пушкина – Бекташ не знал, кто такой Пушкин, но настаивал, чтобы Кате обязательно читали ее любимые стихи. Катя слушала стихи с деловитым видом, а потом начала разыгрывать спектакли почище самого Бекташа: о том, что Бекташ ее не любит, что он охладел, и эта боль пронзает ее нежное сердце... Полина переводила. Бекташ смотрел на свою любимую, подперев щеку рукой, пил звук ее голоса, как хмельной напиток. Периодически Катя словно невзначай показывала ему свое роскошное декольте, которое занимало практически весь экран, когда оно исчезало, Бекташ оживлялся и делал страдальческий жест рукой, словно хотел сказать: «Отмотайте пленку назад».

В конце разговора Катя обычно начинала клянчить деньги или подарки. Бекташ пытался возражать, сопротивляясь, как путник, вязнущий в песке. Природная жадность вела в нем неравную борьбу с желанием. Он пытался убедить ее подождать, говорил, что ему надо заплатить персоналу. Полина, скрепя сердце, переводила его жалкие доводы. Катя тут же отключалась, Бекташ бесился, ссорился с Маню, потом перезванивал ей. К тому времени, когда она соглашалась поговорить с ним, Бекташ был готов на все. Он кивал и обещал отправить ей духи, конфеты и деньги, все, что она захочет, и она принимала его уверения так, будто делала огромное одолжение. Разговор заканчивался взаимными уверениями в любви, воздушными поцелуями, Бекташ гладил экран макбука, а Полина бежала на почту – отправлять в Румынию посылки с духами, айфонами и платьями, и теперь уже называла себя «личным курьером Его Турецкого Величества».

При этом Бекташ – что удивительно! – не требовал ничего взамен. Казалось, ему было достаточно осознавать, что эта «роскошная женщина», так не похожая на всех, кто у него когда-либо был, принадлежит ему хотя бы на расстоянии. И если официанткам он платил гроши и трясся над каждым евро, то совершенно не жалел денег на эту жалкую тень любви. Я так и не смогла понять, какое удовлетворение получает Бекташ от того, что эта вульгарная хищница ругает его по скайпу на незнакомом языке на глазах у всего персонала? Мужская душа, особенно душа мечтательного фараона, – потемки.

Праздник музыки и латинский водоворот

В конце июня, в день летнего солнцестояния, Париж как всегда ликовал, искрился, сиял и бушевал: во Франции проходил столь любимый многими красочный и веселый фестиваль музыки. В этот день музыка звучала со всех сторон – в барах и кафе, в парках и метро, за каждым поворотом, на всех языках мира.

Задорные и пьянящие мотивы – джаз, блюз, свинг, рок, электро, металл и фолк – струились по улицам города, как легкие ручейки, бурлящие реки и клокочущие водопады, накрывая прохожих с головой. Толпа журчала, гудела, гремела и плескалась в этих мелодиях. Музыканты всех возрастов, всех цветов кожи приехали в вечный город, чтобы показать свое мастерство. Все стили, страны и эпохи мешались в кучу на одной улице, и Элла Фицджеральд дружила с фанатами «Ганс энд Роузес», а легкие, как крылья бабочки, мелодии Шопена и Яна Тьерсена – со страстными и надрывными причитаниями Виолетты Парра.

В этот день мы гуляли втроем – я, Шарль и Полина. Захваченные в плен всеобщим восторгом, мы как зачарованные бродили по наводненным туристами улочкам, плавались под раскаленными лучами солнца, ели фруктовое, тающее в руках мороженое и слушали пульсирующий ритм оживленного города. На Монмартре лихорадочно стучали в барабаны, играли старинные бретонские мелодии, от которых что-то замирало в груди, и британские хиты начала шестидесятых. У Эйфелевой башни выступал духовой оркестр, собирая вокруг толпы радостных, кричащих людей. На набережной Сены у собора Парижской Богородицы звучали революционные песни – ребята из Гренобля, одетые как гавроши, пели перед огромной толпой, а за их спиной была натянута знаменитая картина, на которой женщина с обнаженной грудью несла через выстрелы развевающийся французский флаг.

На набережной Сен-Бернар, как обычно, проходили танцевальные вечера – с сальсой, танго, вальсом и румбой. Через каждые десять шагов были площадки со своей музыкой. Танцующие пары беззаботно кружились под жизнерадостные мелодии, зрители одобрительно хлопали в ладоши, а потом, не выдержав, присоединялись к ним. Пока мы задумчиво притопывали в такт зажигательной латиноамериканской музыке, ожидая, когда она захватит нас настолько, что мы с головой окунемся в ее ритмы, Полину пригласил танцевать какой-то красивый латинос – не то бразилец, не то уругваец. Она оглянулась на нас, словно не зная, как поступить, потом, улыбаясь, пошла с ним на танцпол. Ее будто подхватил мощный поток чужой энергии, завертел в своей воронке, закружил, поволок в удобном себе направлении. И ее белое платье кружилось в этом стремительном водовороте, как трепещущий парус тонущего корабля. Более странную пару трудно было себе представить: воздушная, немного неловкая Полина и жгучий коренастый брюнет с обжигающими глазами и решительными движениями. Они танцевали хорошо, но меня не оставляло ощущение странного диссонанса, как будто в танце сошлись люди с двух разных материков. Заиграла другая мелодия и еще одна. Они продолжали танцевать. Мужчина что-то говорил Полине на ухо, и она смеялась ему в ответ. Мы помахали ей рукой, показывая на часы: нам пора возвращаться домой. Она кивнула в ответ: уходите.

Так Полина познакомилась с Гилерми.

***

– Порой, когда я смотрю на Полину, мне становится немного не по себе, – сказала я Шарлю, когда мы шли с ним в обнимку по улице. – Как будто вижу свое зыбкое отражение в зеркале, но это не я, а то, кем я могла бы быть.

– Вы абсолютно разные, хотя и одной природы, – ответил Шарль. – Ты – ветер, иногда ураган. А Полина – вихрь, который кружится над городом, не зная, куда летит и чего же хочет. В этом ее притягательность и ее беда.

– Я тоже не знаю, чего хочу. Хочу ли я стать счастливой женщиной или хорошим писателем? Как научиться черпать сильные слова из сердца, если оно не кровоточит, не тоскует, не болит?

– Совмещать не всем удавалось, это правда, – кивнул Шарль. – Но это не значит, что такое невозможно. Я никогда не был писателем, но в этом деле, как и в любом другом, важен уровень мастерства, ремесло. Когда ты достигнешь определенного уровня, можно будет черпать образы и из счастливого сердца.

– Не знаю... Лучшие писатели всегда жили на грани своих способностей, на краю между жизнью и саморазрушением. Очень немногим удавалось стать хорошими семьянинами и по-прежнему писать завораживающие книги.

– Ты одержима жаждой совершенства, которая спалила не одну душу. Тебе кажется, что где-то еще, в другом месте, при других обстоятельствах и при бóльших усилиях с твоей стороны ты найдешь больше эмоций, чувств, идей, информации, свершения. Не будь настолько помешанной на будущем. Живи здесь и сейчас. Разреш себе ошибаться и тратить время зря.

– Вот за это я и люблю тебя, – сказала я. – У тебя достаточно устойчивости, чтобы уравновесить меня и удержать на земле.

– Я знаю, что не могу дать тебе той сносящей голову страсти, о которой втайне мечтают многие женщины, – Шарль обнял меня и мягко погладил по щеке. – Во мне нет подобных чувств, я на все и на всех смотрю немного отстраненно, через легкую дымку разума. И мне кажется... может быть, я и ошибаюсь, но мне хочется в это верить: между нами такой запас нежности и взаимного уважения, что этого вполне может хватить на всю жизнь.

Сбежавшие из Стамбула

Шел дождь. Я смотрела в окно на стремительно мокнувший город. Он был полон шорохов и светящихся огней. Как будто за окном кто-то разлил на сверкающей мостовой золотую, серую и фиолетовую акварели. Каждый раз, когда кто-то распахивал стеклянные двери ресторана в эту дождливую ночь, внутрь врывается ночная прохлада и сырость, от которых на языке оставался привкус родниковой воды.

Полина почувствовала себя нехорошо и отпросилась домой пораньше. А я почему-то засиделась до закрытия. Мне нравилось смотреть, как струи воды баюкают землю, слышать, как гром и молнии весело потряхивают город, и вода с грохотом стекает с карниза на асфальт. Все разошлись, когда я наконец очнулась от своих грез и увидела, что вот уже пару часов моя книга открыта на той же странице. Все повара ушли. Бекташ пересчитывал выручку у кассы. Должно быть, день для него был удачным, потому что он вдруг решил показать себя настоящим джентльменом и отвезти меня домой. У него была роскошная, почти кричащая машина, какая обычно бывает у внезапно разбогатевших людей. Пока мы ехали по мокрому Парижу, Бекташ рассказал мне о своей жизни.

– Я приехал сюда, как и ты, совсем молодой, – объяснял он мне на своем ломанном французском. – Без гроша в кармане. Пытался учиться, но не пошло. Работал везде, где мог. Платили мало, иногда работал за еду. Жил с женой на десяти квадратных метрах под крышей. Появилась возможность – открыл текстильную фабрику. Это все родственники жены. Они дали денег. Без них я бы никуда. Сначала открыл ателье. Жена шила дома. Потом магазин. Потом несколько магазинов. Потом фабрику. И еще одну. Закрыв фабрику, купил ресторан...

– А почему решил уехать из Стамбула?

– Молод был. Думал, что в Париже лучше. Везде казалось лучше, чем дома. Сейчас-то я, конечно, уже не уехал бы. А ты зачем приехала?

– Все было, как у тебя. Кроме текстильной фабрики, родственников и жены.

Я смотрела, как дождевая вода растекалась по стеклу. Люди, автомобили, улицы – все было в каких-то разводах, переливалось, как пятна бензина в лужах, и словно светилось изнутри. По улицам двигались смутные мерцающие тени.

– Ты скуечаешь по родному городу? – спросила я.

– Да, каждый день, – ответил Бекташ. – Иногда по ночам мне снится, что я брожу по этим старым пыльным улочкам. Повсюду коты, духота, запах кофе и сладостей, жареного мяса и свежестиранного белья, муэдзин кричит с минарета. Я наконец-то дома. Мне легко и спокойно. Может, в старости, я и вернусь домой. Хотя свой дом мы повсюду таскаем с собой.

– И все-таки ты – поэт, Бекташ. Как знать, может, в другой жизни ты им и будешь? Если хорошо поработаешь в этой?

– Да, если за это хорошо заплатят, – кивнул турок.

Мы доехали.

– Я поднимусь к тебе? – спросил Бекташ, будто на всякий случай, особо ни на что не надеясь.

Я рассмеялась.

– Конечно же, нет. У меня есть жених.

– А любовник тебе не нужен?

Я покачала головой, вышла из машины и помахала ему рукой.

– Доброго вечера, Бекташ. Спасибо, что подвез.

Он уехал.

Пасха, гости и светящееся окно

Весной Ян снова приехал в Париж, на целую неделю. Полина вставала рано, работала весь день и возвращалась домой поздно, поэтому Ян бродил по городу один, а вечером они с Полиной гуляли по набережной, иногда до самого утра.

На Пасху Полина привезла его к нам.

****

Вот уже две недели мы с Шарлем гостили у его родителей в живописном городке Немуре в сотне километров от Парижа. Сами они уехали в Испанию на свадьбу друзей и оставили на нас дом и двух кошек. Дом находился на берегу Луары. Он был весь белый, веселый, с синими ставнями. Трехэтажный, с винтажными лестницами, просторными комнатами и высокими потолками, он сильно отличался от душных парижских квартир, в которых мы привыкли жить. Двери кухни и гостиной на первом этаже выходили в благоухающий сад с розами и цветочной беседкой. В беседке стоял плетенный диванчик, и там целыми днями спали на подушках кошки – серая и белая, резную изгородь обвивали виноградные листья, а в них пели невидимые птицы. Мы с Шарлем отдыхали здесь всей душой от городской суеты и смога.

Когда я выглядывала по ночам в сад из окна нашей спальни на третьем этаже, я видела мерцающую реку, в которой отражались бледная луна и далекая громада леса. В сияющих водах купались миллионы звезд и светящиеся во мраке кувшинки. Где-то на острове, за туманной грядой деревьев, ухали совы и сварливо перекликались вороны. По утрам над рекой стоял прозрачный, влажный, будто подпернутый розовой дымкой туман. Весь дом спал, как будто укутанный призрачным покрывалом замешкавшейся ночи, и только я бодрствовала – еще не ложилась или уже проснулась. Я выходила в сад в легком халате, ступала босиком по прохладной от росы траве, спускалась вниз к реке, тяжело опираясь на трость. Там скидывала халат, зябко ежась, быстро ныряла в темную воду и плавала среди цепляющих за ноги и руки водорослей, между кувшинок и скользящих под пальцами коряг, пока меня не начинало трясти от холода. Тогда я выбиралась на берег, выжимала волосы, куталась в халат и шла принимать душ. Шарль еще спал, спал и весь дом. В окна заглядывал новый день, и я радовалась ему, как старому доброму знакомому, чувствуя, что он принадлежит только мне.

Дом просыпался, отряхивался со сна, на этажах звучал смех, кто-то открывал скрипучие ставни, кошки со всех ног бежали на кухню и оглушительно требовали завтрака. Шарль спускался вниз в широких штанах, худой и лохматый, всегда немного сонный, и варил кофе в турке. Я натягивала платье прямо на голое тело и с мокрыми волосами шла покупать круасаны и пирожные в булочную за углом. Потом мы вдвоем молча пили кофе и завтракали. Говорить совершенно не хотелось: нам было хорошо друг с другом и без слов. Вскоре на кухню приходили наши гости, и молчание прерывалось само собой – хлопали двери, ставили чайник, велись разговоры о том о сем, кто-то курил, кухня наполнялась запахами начинающегося дня, оглушительно мяукали кошки, которые путались под ногами, и им наступали на хвост. В доме кипела жизнь.

К нам все время приезжали друзья. Кто-то оставался, кто-то двигался дальше, но дом никогда не пустовал. Они с Шарлем шатались по городку, гоняли на велосипедах по лесу или сплавлялись на байдарках по реке. Я же все это время проводила в беседке с книгой, с легкой завистью наблюдая за их веселыми похождениями. Месяц назад я повредила спину, пытаюсь выполнить какое-то хитрое упражнение, придуманное моим тренером, и не могла много ходить, только плавать, да и то недолго. Впрочем, мне это пошло на пользу, потому что впервые за долгие годы я оказалась бездеятельной поневоле. Говорю, что проводила время с книгой, но на самом деле все время сидела на диванчике в беседке, смотрела на реку или сад,

на то, как веселятся люди, а раскрытая книга просто лежала у меня на коленях. Мне не хотелось ни читать, ни работать, ни думать о будущем. Это ощущение внутренней тишины, полного согласия с самой собой было чем-то новым, чарующим, приятным на вкус. Иногда кто-нибудь из гостей пытался составить мне компанию, но я довольно быстро снова погружалась в себя, и меня оставляли в покое. Это непривычное молчание в моей голове – то, что я безуспешно искала все это время. Оказалось, что достаточно было остановить свой безумный бег за внешними дарами жизни, и черная дыра, которой я скармливала свои лучшие годы, исчезла. И от того, что я знала, – это ощущение покоя конечно, как и любое достижение внутреннего равновесия, оно было для меня еще более ценным.

****

Добраться в Немур было просто – час на поезде с Лионского вокзала, мимо Мелана, Буа Ле Руа, Фонтанбле и маленьких деревенок Сена и Марна. Ян и Полина прибыли к нам в субботу и остались на Пасху.

Любое движение причиняло мне боль, поэтому я почти все время сидела в саду, грелась на солнце, предоставив Шарлю заниматься гостями. Полина же была деятельна и беспокойна. Она слезила на крышу, чтобы пофотографировать рассвет, обошла пешком все окрестности, поиграла с кошками, погоняла по саду голубей, приготовила еды для всех, помогла Шарлю выдрать кухню. Я поражалась ее кипучей энергии.

Именно тогда мы впервые поговорили с Яном. Полина и Шарль уехали в супермаркет – закупаться для воскресного барбекю, а Ян остался со мной. Мы сидели в саду, немного в тени, и пили клюквенный морс. Над рекой бесилась, металась мошкара. Крякали утки, выпрашивая хлеба. Я впервые разглядела друга Полины вблизи и поразились исходящему от него спокойствию. Что-то в его глазах или в движениях было неуловимым, вневременным, как движение колокола, которое вдруг замедлило свой бег по краю вечности.

Мы по большей части молчали или же говорили о всякой ерунде, как это обычно бывает у почти незнакомых собеседников, пытающихся нащупать общую тему для разговора. Поговорили о Франции, Германии и России, об особенностях европейского менталитета и, наконец, остановились на спорте. Ян рассказал о своей работе в спортзале и спросил, какие упражнения мне нравятся.

– Не то, чтобы я люблю спорт, – сказала я. – Но жить без движения не могу. Чувствую себя старой калошей, натянутой не на ту ногу. Раньше все время бегала, прыгала, плавала, в общем – жила. Не то, что теперь.

Яна позабавило сравнение с калошей.

– Что случилось? – он кивнул на трость.

– Повредила случайно спину, делая одно хитрое упражнение. Месяц была прикована к постели. Прямо жизнь в стиле Фриды Кало, только без ее шедевров. Теперь постепенно восстанавливаюсь. Учусь снова быть собой.

Ян посочувствовал мне и сказал, что у него в последнее время тоже иногда бывают сильные боли в позвоночнике, должно быть, от перенапряжения.

– Спорт, как и все на свете, хорош в меру, – сказал он. – Жаль, что когда чем-то увлекаешься, не всегда можешь вовремя остановиться.

– Только когда что-то болит, начинаешь понимать, насколько мы телесны. Чувствую себя теперь запертой в своем теле, – пожаловалась я.

– Все мы заперты в своем теле, – ответил Ян. – Страшно представить, что будет, когда мы состаримся.

– Мне трудно представить себя старой.

– Мне тоже.

– Наверное, тогда все будет совсем по-другому. Мы больше не будем беспокоиться о завтра. Жизнь почти прожита, но не менее интересна, каждый день похож на предыдущий, никогда ничего не происходит, и в этом есть какой-то высший смысл. Я вот только обнаружила, что если вдруг остановить свой бег и просто смотреть вокруг, дышать и жить, мир не развалится на части.

– Но была бы ты здесь и сейчас, если бы до этого столько не работала?

Мы снова замолчали и тихо смотрели на реку.

Хлопнула входная дверь: Шарль и Полина вернулись с покупками. Они выгружали на кухне пакеты, и их бурная деятельность создавала странный диссонанс со скупающей тишиной сада.

– У тебя нет иногда ощущения, что ты в общем-то не на своем месте? – спросила я.

– Нет, – пожал плечами Ян.

– И никогда не пытаешься заглянуть в будущее?

– Никогда.

– Но ты хотя бы знаешь, чего хочешь от жизни?

Его спокойные глаза вдруг улыбнулись мне. Он ответил:

– Время покажет.

Полина вышла в сад. Она держала в руках старую гитару.

– Вчера нашла на чердаке, – пояснила она. – Пыльная, но вроде звучит неплохо. Я вижу, что вы подружились?

– Говорим о смысле жизни, – сказал Ян.

– Аня писатель, – пояснила Полина. – Она всегда говорит о смысле жизни, ей только дай волю.

– И о чем ты пишешь? – поинтересовался Ян.

– Я ничего не пишу, просто наблюдаю за жизнью. Любуюсь ею и пытаюсь придать ей сакральный смысл, иначе мир кажется лишенным красоты.

Ян посмеялся.

– А тебе не приходило в голову, что проще видеть мир таким, какой он есть? – спросил он. – Что сегодня мы живем, а завтра – нет, и между этим до и после – много дел, очарования и красоты.

– Особенно много дел, – поддакнула Полина.

– Приходило. Но мне не нравится думать о смерти, – ответила я.

– Боишься?

– Предпочитаю думать, что она меня не касается. Хотя и боюсь ее, как черта. *Verra la morte e avra i tuoi occhi.*

– Придет смерть, и у нее будут твои глаза⁶, – перевела Полина. – Странно, что мы говорим о смерти на Пасху, когда вся природа просто голосит о воскрешении и новой жизни... Сыграй нам! – она протянула Яну гитару. – Этому вечеру не хватает только живой музыки.

Шарль вышел в сад с бутылкой вина и бокалами. Ян взял гитару в руки, долго настраивал ее, вертел ее и так и этак, и наконец заиграл. Он играл какую-то душестую, словно мята, мелодию, и погруженные в нее, как в воду, мы сидели вчетвером, и мелодия лилась в дурмящий сад, наполненный запахами цветущих трав. Мы все были этим садом, и сад был нами. В этом саду не было ни будущего, ни настоящего, ни прошлого, только весна, вино и чарующая музыка.

«Существует только здесь и сейчас, – думала я. – Ян прав. На самом деле, сейчас – это все, что у нас есть».

---

⁶ Слова Чезаре Павезе, итальянского писателя и переводчика.

Закат медленно окрашивал реку в пурпурные цвета. Мы сидели так долго, пока не настала ночь, и мы вдруг очутились в мягкой, будто светящейся изнутри темноте, сами не заметив, как она сумела так незаметно опуститься нам на плечи. А за нашими спинами горел желтым загадочный прямоугольник – окно в сад.

***

Ян уехал к себе в Германию. Они продолжали переписываться с Полиной. Помню, что она как-то обмолвилась, что он вдруг бросил учебу и уехал домой, в Россию.

– Это на него совсем не похоже, – удивленно сказала она.

Летом Полина была в Санкт-Петербурге и предложила ему встретиться, но он ответил категоричным «нет», ничего не объясняя. Полина обиделась.

– Не понимаю, что произошло, – твердила она. – Мы так хорошо ладили, и вдруг он просто вычеркнул меня из своей жизни.

– Что именно он сказал? Что не хочет тебя видеть?

– Я написала, что буду проездом в Питере и было бы здорово с ним увидеться. А он просто ответил «нет».

– Нет – это нет, – сказала я. – Надо уважать волю другого человека. «Нет» может означать что угодно: он занят, не хочет тебя видеть или что у него есть веские причины держаться подальше от тебя. Гадать бессмысленно. Настаивать тоже. Если захочет, он позвонит тебе.

– Я все-таки напишу ему, – решила Полина. – У меня сердце не на месте.

Но Ян ответил только, что пока не может говорить. И больше не отвечал.

Зеркало, смысл жизни и шаткость бытия

В последний раз я побывала в ресторане Бекташа осенью. Что-то неуловимо изменилось в атмосфере заведения, как будто на столь привычный для меня мир, состоящий из терпких оттенков, варева, манящих запахов, разговоров, стука посуды и гула телевизора, набросили тяжелое покрывало. Воздух стал приглушенным и безвкусным, потерял цвет и запах. Даже посетители казались не людьми, а призраками этих людей. Все вокруг становилось шатким и зыбким, словно это место стремительно проваливалось из настоящего в прошлое, а я зачем-то пыталась удержать его перед глазами усилием воли, оставить все таким, каким я его помнила. Я села за свой любимый столик, но чувствовала себя там неудобно. Мне хотелось встать и уйти, но Полина как раз вышла из кухни и шла ко мне, улыбаясь своей стремительной, как сон, улыбкой, и я осталась. Она единственная была настоящей в этом пасмурном и безликом дне. Бекташа нигде не было. Его жена стояла за кассой, а дочь курила на террасе сигарету за сигаретой. Полина села за мой столик.

– Привет! – прошептала она. – У нас тут все вверх дном. Бекташ слетел с катушек и улетел с Катей в Египет.

– Да уж. Каждый ищет счастья на свой манер... Ты не боишься так открыто увилить от работы? Мегера за кассой так и сверкает на тебя глазами.

– Пусть сверкает, – отмахнулась Полина. – Хорошо, что я сижу к ней спиной. Не беспокойся, я уже уволена. Дорабатываю последние дни.

– Если тебе нужна помощь...

– Разберусь как-нибудь! Ты же знаешь, когда нет выхода, выход как-то находится. Как ты? Что у тебя нового?

– Все по-старому. Вот только Шарль сделал мне предложение.

– Классно. А ты?

– Я согласилась. Свадьба через шесть месяцев. Ты, конечно, приглашена!

– Шарль – именно то, что тебе нужно. Я никогда не могла представить тебя с кем-то еще.

– Знаешь, с ним все становится простым. Когда его нет рядом, мне никогда не приходится беспокоиться, думает ли он обо мне. Когда он рядом, мне не надо притворяться кем-то еще.

– И что ты чувствуешь?

– Радость. И страх.

– Почему страх?

– Семья – это единственное, что я никогда не просила у этой жизни. И как ни странно, это первое, что было мне дано.

– Может, это то, чему тебе действительно нужно научиться? Со всем остальным ты справляешься неплохо.

– Чему именно?

– Любви.

Мы помолчали.

– Если уж речь зашла о семье, у меня тоже есть новости, – сказала Полина. – Я жду ребенка.

Я знала, что нужно что-то сказать, но не сразу нашла, как отреагировать на это.

– Правда?

– Да. С Гилерми у нас все как всегда непонятно, и вдруг – я обнаружила, что беременна.

– Это очень на тебя похоже...

– Быть беременной?

– Что-то в этом духе. И что теперь?

– Он был в шоке. Я ответила ему, что ничего у него не прошу, просто ставлю в известность, ребенка оставлю и сама как-нибудь разберусь. Он пропал на две недели, а потом позвонил и предложил съехаться. Ради ребенка.

– А ты?

– Я согласилась.

– Ты хоть влюблена?

– Не думаю. Но меня куда-то несет на крыльях ночи.

– Главное, чтобы совсем не унесло. Посмотри на Бекташа.

– Думаю, он сейчас вполне доволен собой.

Мы смотрели друг на друга, улыбаясь. Мне было трудно представить, что Полина, моя легкомысленная Полина, станет матерью. И вдруг она выдала такую вещь, которой я от нее совсем не ожидала.

– Если ребенок вдруг решил появиться через тебя в этот мир, значит, так тому и быть. Ты никогда не выбираешь этот момент. Думаешь, что можешь выбрать, но на самом деле нет. Не беспокойся обо мне. Я спокойна. Я удивительно спокойна: во мне растет смысл жизни. Вот что главное.

Я долго думала над ее словами. В ней действительно рос смысл жизни. Я это явственно видела.

– Прости меня, – вдруг сказала я.

– За что? – удивилась Полина.

– За то, что я была рядом с тобой, но никогда не была с тобой рядом.

– Я ведь могу то же самое сказать и о себе.

– Да, мы обе хороши, – кивнула я. – Мы с тобой очень похожи, в общем-то. Вот только во мне – чрезмерная сила воли, приложенная против самой себя, а в тебе – безволие против всего мира.

– Мне все-таки хочется верить, – вздохнула Полина, – что мы с тобой можем быть кем угодно, как захотим.

– Может быть, когда-нибудь так и будет.

***

Через несколько месяцев я узнала от Полины, что Ян все это время лежал в больнице. Те боли в спине, о которых он говорил мне тогда в саду, были первыми признаками болезни. У него обнаружили лейкоз. Его жизнь посыпалась, как карточный домик, и после долгого и тяжелого лечения наконец наступила ремиссия.

Я вспомнила наш разговор: «Чего ты хочешь от жизни?» И его ответ: «Время покажет».

Как бы мы ни пытались спланировать свою жизнь, думала я, держать ее под контролем, всегда найдется что-то или кто-то, кто ворвется в нее и перевернет ее с ног на голову. Иногда это болезнь.

Полина сказала, что они поговорили по скайпу. Он располнел, лишился волос, но остался все тем же Яном, каким мы его помнили. Только выписавшись из больницы, он наконец написал Полине.

– Какой же он дурак! – только и сказала она, рассказывая об их разговоре.

Через несколько дней у нее родился сын. И мы на какое-то время потеряли друг друга из виду.

Родиться с гитарой в руках

Мы шли с Шарлем по мягко освещенной улице, усыпанной желтой листвой, возвращались с какого-то концерта. В дымке фонарей его лицо казалось таким родным, что я задавала себе вопрос – как получилось, что этот человек, которого я не знала двадцать с чем-то лет своей жизни, случайно вошел в нее и стал для меня столь многим?

Мы присели в каком-то баре, на террасе. Рядом с нами за соседним столиком сидел хорошо одетый темнокожий мужчина в очках с золотой оправой. На нем было дорогое пальто, а под ним виднелась жилетка с галстуком. В его взгляде было столько внутренней силы, что я невольно засмотрелась на него. Рядом с мужчиной стояла гитара в чехле. А на столике – бокал вина. Он мечтательно глядел куда-то вдаль, в направлении парка. Народу в баре было много – из-за наплыва туристов, как и всегда в Париже осенью. Потому Шарль, так и не дождавшись прихода официанта, сам пошел к барной стойке за вином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.